

Лев Николаевич

Толстой

Что же делать?

(1906 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

«Оставьте вашу святость и ваше благоразуміе и народъ будетъ во сто разъ счастливѣе. Оставьте ваше добродушіе и вашу справедливость, и народъ вернется къ прежней любви между дѣтьми и родителями. Оставьте ваше хитроуміе и ваши расчеты, и не будетъ больше воровъ и разбойниковъ. Достигнуть этихъ трехъ вещей нельзя одной внѣшностью. Для этого нужно быть болѣе простымъ, свободнымъ отъ страстей и менѣе разсуждающимъ».

Лао-Тсе.

С месяц тому назад ко мне пришли два молодых человека, прося книжек. Один был в картузе и лаптях, другой в черной, бывшей щегольской шляпе и растрепанных сапогах.

Я спросил у них, кто они. Они с нескрываемой гордостью сообщили мне, что они рабочие, высланы из Москвы, где участвовали в вооруженном восстании. По дороге они нанялись в нашей деревне в сад, где и

прожили караульщиками неполный месяц. Вчера хозяин сада расчел их за то, что они будто бы подговаривали крестьян громить сад. Они, улыбаясь, отрицали это, говоря, что они не подговаривали никого, а только по вечерам ходили на деревню и беседовали с товарищами.

Оба они, особенно более бойкий, улыбающийся, с блестящими, черными глазами и белыми зубами, были начитаны в революционной литературе и кстати и не кстати употребляли иностранные слова: оратор, пролетариат, социал-демократы, эксплуатация и т. п.

Я спросил у них, что они читали. Черноватый, улыбаясь, сказал, что читал разные брошюры.

Я спросил, какие.

– Читали всякие: «Земля и Воля».

Я спросил их, что они думают о них.

– Там всё правильно, – сказал черноватый.

– То есть что же правильно?

– А то, что жить стало невозможно.

– Почему же невозможно? – спросил я.

– Как почему? Ни земли нет, ни работы, а правительстве душит ни за что, ни про что, давит народ.

И они, перебивая друг друга, стали рассказывать, как казаки били нагайками народ, как полицейские хватили кого попало, как расстреливали дома ни в чем неповинных людей.

На мои доводы о том, что вооруженное восстание было дурное и неразумное дело, черноватый только улыбался и спокойно говорил:

– А наше не такое убеждение.

Когда я заговорил о грехе убийства, о Боге, они переглянулись, и черноглазый пожал плечами.

– Что же, по закону Бога пускай так и эксплуатируют пролетария? – сказал он. – Это прежде было, а теперь пришли к сознанию, нельзя уже...

Я вынес им книжки – больше религиозного содержания; они взглянули на заглавия и, видимо, остались недовольны.

– Может, вам не нравится, так не берите.

– Нет, отчего же? – сказал черноватый и, сунув их за пазуху, простился со мной.

Хотя я и не читал газет, я по разговорам домашних, по письмам, которые получаю, по рассказам приезжих знал про то, что делается за последнее время в России, знал в особенности хорошо именно потому, что не читал газет, про то поразительное происшедшее изменение за последнее время во взглядах общества и народа, изменение, состоящее в том, что если прежде некоторые люди осуждали некоторые распоряжения правительства, теперь все, за самыми малыми исключениями, считали всю деятельность правительства преступной и незаконной, признавали виной всех беспорядков одно правительство. Такого мнения были и профессора, и почтовые чиновники, и литераторы, и лавочники, и рабочие, и даже полицейские. Настроение это усилилось после распускания Думы. После же тех ежедневных убийств, совершаемых в последнее время правительством, настроение это дошло до высшей степени.

Я знал это. Но разговор с этими двумя людьми особенно подействовал на меня. Разговор этот, как толчок, вдруг превращающий в лед замерзающую жидкость, вдруг превратил целый ряд прежде полученных мною такого же рода впечатлений в определенное и несомненное убеждение.

После беседы с этими людьми мне стало ясно, что все те преступления, которые совершает теперь правительство с целью подавления революции, не только не подавляют, но еще больше разжигают ее, что если и может революционное движение временно затихнуть вследствие ужаса, производимого злодеяниями правительства, оно не только не уничтожится, но только на время скроется внутрь и неизбежно опять проявится с новой и большей силой, что разгоревшийся пожар находится теперь в том положении, при котором всякое прикосновение к горящему только усиливает горение. Мне стало ясно, что только прекращением со стороны правительства всех и всяких мер противодействия, прекращением не только казней и арестов, но всяких ссылок, гонений и запрещений эта ужасная борьба озверевших людей может быть прекращена.

Я был твердо убежден, что лучшее из всего того, что могло бы сделать теперь правительство, было бы то, чтобы уступить во всем революционерам, предоставить им самим устраиваться, как они найдут лучшим. Но так же твердо я был убежден и в том, что такое предложение, если бы я сделал его, было бы принято только как проявление полного моего сумасшествия. И потому, несмотря на то что для меня было совершенно ясно, что продолжение ужасной деятельности правительства только ухудшает, а не улучшает положение, я не пытался не только писать, но и говорить об этом.

Прошло около месяца, и предположение мое, к несчастью, всё больше и больше подтверждалось. Казней становилось всё больше и больше, также и убийств и грабежей. Я знал это и по рассказам и по случайным заглядываниям в газеты, знал и то, что настроение и народа и общества становилось всё враждебнее и враждебнее правительству.

На днях во время моей прогулки молодой человек, ехавший на крестьянской телеге по одному со мной направлению, соскочил с телеги и подошел ко мне.

Это был невысокий человек, с небольшими русыми усиками, с нездоровым цветом умного и недоброго лица и понурым взглядом.

Одет он был в потертый пиджак и высокие сапоги. На голове у него была синяя с прямой тульей фуражка, как мне объяснили, составляющая модную революционную форму.

Он попросил у меня книжек, очевидно как повод вступления в разговор.

Я спросил, откуда он. Он был крестьянин из недалежного села, из которого недавно приходили ко мне жены мужей, посаженных в тюрьму.

Село это я хорошо знаю. Я вводил там уставную грамоту и всегда любовался особенно красивым и бойким тамошним народом. Из этого же села были у меня в школе особенно даровитые школьники.

Я спросил его о тех крестьянах, которые были в тюрьме. Он с той же исключаящей всякое сомнение уверенностью, которую я встречал в последнее время у всех, о том, что виною всему одно правительство, сказал мне, что они без всякой вины были схвачены, избиты и посажены в тюрьму.

Только с большим трудом я мог добиться от него объяснения, в чем обвинялись эти люди.

Оказалось, что они были ораторы и собирали митинги, как он произносил, на которых говорилось о необходимости экспроприации земли.

Я сказал, что установление равного права всех на землю может быть достигнуто только тем, чтобы земля вообще перестала быть чьей бы то ни было собственностью, а не отчуждением или какими бы то ни было насильственными мерами. Он не согласился с этим.

– Отчего же, – сказал он, – надо только организоваться.

– Как организоваться? – спросил я.

– Да уж там видно будет.

– Что же, опять вооруженное восстание?

– Это печальная необходимость.

Я сказал то, что всегда говорю в таких случаях, что злом нельзя победить зло, что победить зло можно только неучастием в насилии.

– Да ведь жить нельзя стало, работы нет и земли нет. Куда же денешься? – сказал он, исподлобья взглянув на меня.

– Я вам в деда гожусь, – сказал я, – и спорить с вами не стану, а одно скажу вам, как молодому человеку, начинающему жить: если дурно то, что делает правительство, то также дурно и то, что делаете вы

или собираетесь делать. Вам, как человеку молодому, устанавливающему привычки, одно нужно: жить хорошо, не делать греха, не поступать против закона Бога.

Он недовольно тряхнул головой.

– Бог у каждого свой, миллионы людей – миллионы Богов.

– Всё-таки, – сказал я, – я бы вам советовал перестать заниматься революцией.

– Что же делать? Нельзя же всё терпеть и терпеть, – отвечал он.

– Что же делать?

Я почувствовал, что из нашего разговора ничего не выйдет, хотел отъехать, но он остановил меня.

– Не можете ли вы мне помочь на выписку газеты? – сказал он.

Я отказал ему и с тяжелым чувством отъехал от него.

Это был уже не безработный мастеровой, как те тысячи, которые ходят теперь по России, а это был крестьянин-земледелец, живущий в деревне.

Вернувшись домой, я застал домашних в самом тяжелом настроении. Они только что прочли полученную газету (это было 6-го октября).

– Нынче опять 22 казненных. Это что-то ужасное, – сказала мне дочь.

– И не только ужасно, но нелепо. Они делают только всё хуже и хуже, – сказал я.

– Но что же делать? Ведь нельзя же оставить их безнаказанно убивать и грабить, – сказал кто-то то, что говорится за всегда в этих случаях и что я так много раз слышал.

Слова: Что же делать? были те же самые, которые говорили мне те два босяка из сада и сегодняшний крестьянин-революционер.

«Нельзя же покорно терпеть те безумные ужасы развратного правительства, губящего и государство и народ. Нам отвратительны меры, которые мы должны употреблять, но что же делать?» – говорят одни революционеры.

«Нельзя же допустить того, чтобы какие-то самозванные устроители захватывали власть и по своему управляли Россией, развращали и губили ее. Разумеется, принятые временно меры тяжелы, но что же делать?» – говорят другие – консерваторы.

И мне вспомнились мои близкие люди революционеры, и мои близкие люди консерваторы, и нынешний крестьянин, и те несчастные заблудшие революционеры, которые выписывают, готовят бомбы, убивают, грабят, и

такие же несчастные, заблудшие люди, которые разрешают, устраивают полевые суды, заседают в них и расстреливают, вешают, и уверяют себя и те и другие, что они делают то, что должно, и те и другие повторяя одни и те же слова: что же делать?

Что же делать? – говорят и те и другие, но говорят это не в смысле вопроса: что мне делать? а в том смысле, что всем будет еще гораздо хуже, если мы перестанем делать то, что делаем.

И все так привыкли к этому странному вопросу, включающему в себя и объяснение и оправдание самых ужасных, безнравственных поступков, что никому и в голову не приходит спросить: «да кто же ты–то, спрашивающий: что делать? ты–то кто такой, для того чтобы считать себя призванным устраивать судьбу других людей посредством поступков, которые все люди, да и ты сам считаешь гадкими и преступными? Почему ты знаешь, что то, что ты хочешь изменить или удержать в том виде, в каком было, должно быть изменено именно так, как это тебе кажется хорошим, или должно быть удержано таким, каким было? Ведь ты знаешь, что есть много людей таких же, как ты, которые считают дурным и вредным то, что ты считаешь хорошим и полезным. И почему ты знаешь, что то, что ты делаешь, произведет ожидаемые тобой последствия, тогда как ты не можешь не знать, что последствия, особенно в делах, касающихся жизни народов, бывают чаще совершенно противоположны той цели, для которой они сделаны. И главное, какое право имеешь ты делать дела противные и закону Бога, если ты признаешь Его, или хотя самым общепринятым во всем мире законам нравственности, если ты ничего не признаешь, кроме общепринятых законов нравственности? По какому праву считаешь ты себя освобожденным от этих самых простых и несомненных общечеловеческих законов, несовместимых ни с твоими революционными, ни с твоими правительственными делами?

Если же ты ставишь вопрос: что делать? действительно как вопрос, а не как оправдание, и относишь его, как и должно быть, к себе, то ответ самый простой и ясный представляется сам собой. Ответ в том, что делать тебе надо не то, что ты воображаешь себя обязанным делать в качестве даря, министра, солдата или председателя того или иного революционного комитета или члена боевой дружины, а делать тебе надо то, что свойственно тебе как человеку, то, чего требует от тебя та сила, которая послала тебя в мир, та сила, которая для каких–то своих целей и дала тебе ясный, определенный закон, записанный и в твоей и всех людей совести.

А стоит дать на вопрос: что же делать? ответ, состоящий в том, что делать людям всем и всегда надо только то, чего от всех и всегда хочет Бог, чтобы мгновенно рассеялся тот нелепый и влекущий к преступлениям туман, под влиянием которого люди воображают, что почему–то они одни из миллионов, едва ли не наиболее запутанные, сбитые с истинного пути жизни люди, именно они–то будто бы и призваны решать судьбу миллионов и для гадательного блага этих миллионов совершать дела, производящие не гадательные, а очевидные бедствия этих самых миллионов.

Существует общий, признаваемый всеми разумными людьми закон,

подтверждаемый и преданием, и всеми религиями всех народов, и истинной наукой, и совестью каждого человека. Закон этот состоит в том, что все люди одинаково для исполнения своего призвания и достижения наибольшего блага должны помогать друг другу, любить друг друга, во всяком случае, не посягать на свободу и жизнь друг друга. Но вот являются люди, которые раздают друг другу различные роли: одни считаются королями, министрами, солдатами, другие членами комитетов, организаций, и люди так входят в свои роли, что, забывая свое действительное положение, уверяют себя и других, что совсем не нужно держаться общего людям закона, что есть случаи, когда можно и должно поступать противно ему, и что такие отступления от вечного закона дадут и отдельным людям и обществам людей большее благо, чем следование разумному, высшему общему всем людям закону.

Рабочие на огромном, сложном заводе получили от хозяина ясное и признаваемое ими самими наставление о том, что они должны и чего не должны делать для успешного хода завода и для своего блага. И вот являются люди, не имеющие никакого понятия о том, что и как производит завод, которые уверяют рабочих, что нужно перестать делать то, что предписано хозяином, а начать делать совершенно обратное, для того чтобы завод действовал правильно и рабочие получили бы наибольшее благо.

Разве не совершенно то же делают эти люди, не имеющие никакой возможности обнять всех тех последствий, которые вытекают из общей деятельности человечества? Они не только не соблюдают те установленные разумом человеческим общие всем и вечные законы для успеха этой деятельности и для блага отдельных лиц, но прямо и сознательно нарушают их в виду мелкой, односторонней, случайной цели, которую ставят себе некоторые из них (большой частью самые заблудшие), воображая себе (несмотря на то, что другие воображают себе совершенно обратное), что они этим достигнут результатов более благодетельных, чем те, которые достигаются при исполнении общего всем людям вечного и согласного с природой человека закона.

Знаю, что для людей, уверовавших в действительность взятых ими на себя ролей, простой и ясный ответ этот покажется отвлеченным и непрактичным. Практичным такие люди считают ответ, состоящий в том, что людям, не могущим ничего знать о последствиях своих поступков, не могущим знать живы ли они будут через час, знающим очень хорошо, что всякое убийство и насилие дурно, нужно всё-таки, под предлогом устройства воображаемого будущего блага других людей, поступать так, как будто они наверное знают, какие последствия произведут их поступки, и как будто они ничего не знают о том, что убивать и мучать людей дурно, а знают только то, что нужна такая или иная монархия или такая или иная конституция.

Так это будет для многих людей, потерявших ясное сознание своего человеческого достоинства и призвания, но думаю, что огромное большинство людей, страдающих от всех ужасов и преступлений, совершающихся теперь, поймет, наконец, тот ужасный обман, в котором находятся люди, признавая законность и благоволительность насильнической власти человека над человеком, и, поняв этот обман, навсегда освободится от безумия и преступности как участия в насильнической

власти, так и подчинения ей. Только бы поняли все люди, что делать всякому человеку всегда надо только одно: исполнять то, чего требует от него то начало, которое управляет миром и требования которого не может не сознавать ни один человек, не лишенный разума и совести, забыв о всяких своих положениях: министров, городских, председателей и членов разных боевых и не боевых партий, и не только не было бы тех ужасов и страданий, которыми полна жизнь человеческая и в особенности теперь жизнь русских людей, но было бы Царствие Божие на земле.

Если же хоть часть людей поступала бы так, то чем больше бы было таких людей, тем всё меньше и меньше становилось бы зла на свете, и всё больше и больше осуществлялось бы то Царство Божие на земле, к которому неудержимо стремятся все сердца человеческие.

Ясная Поляна.

Октябрь 1906 г.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?»]

* № 1.

Написавъ, какъ умѣлъ, все то, что я думалъ и чувствовалъ о совершающемся теперь въ Россіи въ статьяхъ, которыя теперь печатаются, я думалъ, что я кончилъ думать и писать о современныхъ дѣлахъ и мнѣ можно будетъ до смерти, до которой уже такъ немного осталось, отдаться всѣми силами души тѣмъ вопросамъ все большаго и большаго уясненія и упрощенія вѣчныхъ вопросовъ жизни человѣческой, ея назначенія и смысла, но не могу: чувствую, что долженъ опять, какъ ни слабъ и не ничтоженъ мой голосъ (не изъ ложной скромности говорю это, истинно считаю его слабымъ и ничтожнымъ среди той ужасной бури, которая охватила насъ), чувствую, что все-таки долженъ передъ своей совѣстью, передъ Богомъ, котораго такъ забыли люди, сказать то, что думаю и чувствую. Вчера у меня была страшно

поразившая меня вторая встреча с крестьянином революционером, но как не тяжела она была мне, я думал, что я перенесу ее молча и буду в состоянии продолжать заниматься моими душевными делами, но нынче только, когда я вышел к домашним, я застал зятя, читающим вслух газету доктору (я не читаю газет).

– Что вы читаете?

– Нынче 22 казненных (это было 6 Октября).

Я знал, что вчера было столько же, что всѣх за мѣсяц что то около 200.

Я ушел к себѣ и хотѣлъ взяться за свою работу. Но мысль не работала, не могла оторваться от этого ужаса.

Вспомнился вчерашній крестьянин революционеръ, вспомнились прежніе два, вспомнился этот ужасный Столыпинъ, сынъ моего стараго друга Аркадія Столыпина, душевно хорошаго человека, стараго Генерала, Генераль-Адъютанта, который сжегъ всѣ свои писанныя имъ воспоминанія о войнахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ (а онъ участвовалъ во многихъ и много зналъ и хорошо писалъ), сжегъ потому, что пришелъ къ убѣжденію, что война зло и нехорошо ни участвовать въ ней, ни думать о ней. И вотъ сынъ, котораго я, слава Богу, не знаю, сталъ во главе того правительства, которое совершаетъ безсмысленно, глупо всѣ эти ненужные вредные ужасы. Вспомнилъ все это и рѣшилъ написать все, что думалъ и чувствовалъ и теперь думаю и чувствую.

Я давно уже не читаю газетъ, но, какъ и не можетъ быть иначе, по разговорамъ домашнихъ зналъ почти все, что дѣлалось. Было время, когда мне думалось, что правительство еще можетъ, выставивъ разумную, либеральную, важную для народа мѣру – земельное освобожденіе, спасти не себя только, но весь народъ, думалъ, что революціонеры (разумѣя подъ революціонерами всѣхъ борющихся съ правительствомъ) могутъ еще опомниться и перестать мутить народъ, не имѣя никакой разумной цѣли, кромѣ глупого подражанія Европѣ; думалъ, что въ народѣ, въ большинствѣ его, еще живы религіозно нравственныя христіанскія начала, которыя всегда руководили его жизнью, и я написалъ обращеніе къ правительству, революціонерамъ и народу. Обращеніе это не появилось, да если бы оно и появилось, оно не могло имѣть никакого дѣйствія. Въ томъ, что это было такъ, я убѣдился вслѣдствіи, какъ ни странно это сказать, разговора съ двумя молодыми людьми, такъ называемыми босяками, которые нанялись въ нашей деревнѣ къ хозяину яблочнаго сада и потомъ, поссорившись съ нимъ, пришли ко мне за книжками. Оба были въ новыхъ розовыхъ рубахахъ, одинъ въ картузѣ и лаптяхъ, другой, въ черной шляпѣ и сапогахъ. Я разговорился съ ними. Они рассказали, что пострадали за политическія убѣжденія, участвовали въ Московскому вооруженномъ возстаніи, были высланы, шли на югъ и по дорогѣ нанялись въ садъ. Хозяинъ расчелъ ихъ за то, что они подговаривали крестьянъ громить садъ (они улыбаясь отрицали это, но это была правда). Оба они, особенно

румяный, черноглазый, миловидный, самоуверенный, улыбающийся, белозубый молодой человек в шляпѣ, были вполне начитаны в революционной литературѣ, осуждали правительство, считали, что надо добиваться... чего, они хорошенько не знали, но надо добиваться, что правительство душиť народѣ. На всѣ мои доводы о томѣ, что едва ли такими бунтами что нибудь устроится, что нехорошо убійства и грабежи, бѣлозубый только улыбался и только говорил: «а наше не такое убѣжденіе». Когда я заговорилъ о требованіяхъ совѣсти и религіи, они переглянулись, и миловидный съ бѣлыми зубами снисходительно улыбался.

Какъ бываетъ съ мгновеннымъ замерзаніемъ воды отъ толчка, такъ бываетъ и съ убѣжденіями, которыя вдругъ складываются твердо изъ цѣлаго ряда предшествующихъ впечатлѣній. Такъ было со мной вслѣдствіи бесѣды съ этими людьми.

Мнѣ стало несомнѣнно ясно, что съ такими людьми – а такіе люди не только большинство, но всѣ участники революціи (всѣ, которыхъ я видѣлъ, а я видѣлъ не мало, были такіе) ясно, что на такихъ людей не можетъ подѣйствовать ни убѣжденіе, ни страхъ. Убѣжденіе не можетъ подѣйствовать, потому что они вѣ гипнозѣ. Страхъ не можетъ дѣйствовать, потому что они не только ничего не боятся, но имѣ, очевидно, пріятно становится вѣ опасное, молодеческое, восхваляемое не только товарищами, но газетами (они знаютъ это) положеніе. Послѣ бесѣды съ этими людьми мнѣ стало несомнѣнно ясно, что путь репрессій, на который вступило правительство, можетъ ухудшить, но никакъ не улучшить положеніе. Есть степень пожара, при которой нельзя ужь ломать, а лучше не трогать. Мнѣ стало ясно, что одно, что можетъ разумнаго и цѣлесообразнаго сдѣлать теперь правительство, это то, чтобы прекратить всѣ насилія, всѣ казни, выпустить всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы, изъ ссылки, прекратить всѣ запрещенія сходовъ, печатанія статей и удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя будутъ заявлять люди, если только они не противоположны другимъ требованіямъ. Мнѣ казалось, что вѣ этомъ одномъ средство спасенія не одного правительства, но всего народа. Правительству, по моему мнѣнію, надо было освободить себя отъ всякихъ упрековъ вѣ насиліи и предоставить самимъ людямъ, разнымъ партіямъ устраивать порядокъ. Понятно, что не только порядка не было бы никакого, но произошелъ бы величайшій беспорядокъ, вѣ которомъ правительство не было бы виновато, а виноваты были бы тѣ, которые его производили. Они сами наказали бы себя, и наказаніе это привело бы ихъ къ выходу. Правда, было бы много бѣды и страданій, но едва ли больше, чѣмъ тѣ, которыя должно производить правительство, идя по избранному имѣ пути. Главное же то, что бѣды, которыя сами себѣ наносили бы всѣ эти партіи, вели бы къ выходу изъ этого положенія, тогда какъ всѣ репрессіи правительства, только будучи совершенно безцѣльны, только отдаляли бы этотъ выходъ.

Такъ я думалъ послѣ бесѣды съ этими людьми и хотѣлъ было писать объ этомъ, но сознаніе безцѣльности, недействительности такого писанія

остановило меня. И вотъ прошло около мѣсяца, и то мое предположеніе о вредѣ репресій подтвердилось больше, чѣмъ можно было думать. Казней все больше и больше, убійствъ и грабежей все больше и больше. Я зналъ это по разсказамъ и по случайнымъ заглядываніямъ въ газеты, но все еще не чувствовалъ необходимости высказывать объ этомъ своего мнѣнія. Но вотъ вчера случилась встрѣча, которая такъ поразила меня, что я рѣшилъ высказать то, что думаю и чувствую.

По большой дорогѣ ѣхала телѣга съ двумя сѣдоками: старая женщина и молодой человѣкъ въ особенной революціонной синей въ родѣ студенческой фуражкѣ. Онъ какъ то особенно общительно поклонился мнѣ и задержалъ лошадь, какъ бы въ нерѣшительности, потомъ соскочилъ и подошелъ ко мнѣ и попросилъ книжекъ.

Я спросилъ, откуда онъ. Онъ назвалъ мнѣ то село, изъ котораго нѣсколько человѣкъ сидѣли въ тюрьмѣ за сборища (которые они называютъ митингами) и нѣсколько приходили ко мнѣ

Я спросилъ его, читалъ ли онъ революціонныя брошюры. Онъ сказалъ, что читалъ, и у насъ начался длинный разговоръ, который особенно больно поразилъ меня. Онъ – крестьянинъ из деревни, которую я хорошо знаю, изъ которой въ старое время у меня были въ школѣ особенно даровитые ученики, въ которой вводилъ уставную грамоту и всегда любовался на прекрасный, самостоятельный, христіанско-общиннаго духа русскій народъ.

Собесѣдникъ мой былъ невысокій человѣкъ въ пиджакѣ, съ небольшими русыми усиками и не скажу умнымъ, но интеллигентнымъ лицомъ. – Ходъ разговора мой, какъ всегда, одинъ и тотъ же со всѣми революціонерами: чего вы хотите?

– Хотимъ свободы. Правительство душитъ насъ.

[1] Нельзя же терпѣть.

– Да вѣдь революціонеры тоже дѣлаютъ.

– Чтоже они дѣлаютъ?

– Убиваютъ городовыхъ, полицейскихъ.

– А то чтожь?

Я попробовалъ заговорить о христіанскомъ требованіи неучастія въ насиліи.

– Да это когда же будетъ?

– А у васъ развѣ скорѣе будетъ?

– Надо организацію.

– Нельзя зло уничтожить зломъ. Развѣ вооруженное воз– станіе хорошо?

– Что же дѣлать. Это печальная необходимость.

– Да вѣдь есть божій законъ.

Он улыбнулся.

– Богъ у каждого свой, а нѣтъ никакого.

И вотъ такихъ людей правительство хочетъ усмирить казнями!

Для нихъ Бога нѣтъ и нѣтъ Его закона. И точно также нѣтъ его для несчастнаго Николая и бѣднаго Столыпина.

Вѣдь въ этомъ то и весь ужасъ. Вѣдь произошло вотъ что.

Люди, захватившіе власть, – я говорю про то, что было еще вѣка тому назадъ, – извратили вѣру и держались этой извращенной вѣры и обучали ей народъ и мало того, что обучали, гнали тѣхъ, которые не принимали эту ложную вѣру. Но ложь была ясна, и люди религіозные, преимущественно изъ народа, обличали эту ложную вѣру и дѣлались тѣмъ, что называ[ютъ] сектантами, и ихъ гнали и преслѣдовали. Другіе люди, изъ господъ, тоже обличали эту ложную вѣру ничего не ставя на ея мѣсто или ставя на ея мѣсто разсужденія о свойствахъ природы, которыя они называли наукой. Правительство гнало и этихъ у насъ,

[2] но эти были хитрѣе и умѣли проводить свое отрицаніе вѣры правительственной такъ, что ихъ нельзя было уличить. И такъ это шло долгое время. У насъ особенно горячо взялись за это обличеніе религіи (люди эти были, большей частью, ограниченные и не видали ничего за той ложной религіей, которую они обличали) въ половинѣ прошлаго вѣка, Чернышевскій, Михайловскій и др. и, несмотря на всѣ гоненія, даже благодаря этимъ гоненіямъ, отрицаніе этой религіи, всякаго отношенія къ Безконечному, отрицаніе Бога дошло до крайней степени распространенія. Явилась мода, гипнозъ, и все молодое поколѣніе воспиталось въ этомъ отрицаніи. И чѣмъ низменнѣе образованіе, тѣмъ сильнѣе, полнѣе было это отрицаніе. Такъ, болѣе всего оно распространилось въ семинаріяхъ, ветеринарныхъ, фельдшерскихъ, учительскихъ институтахъ. И вотъ пришло время, это безбожіе захватило и молодое поколѣніе народа. Но что ужаснѣе всего – что теперь, когда это отрицаніе Бога выразилось въ дѣйствіи, въ революціи, правительство, до сихъ поръ могшее еще соблюдать decorum,

приличіе, подобіе религіи, было вынуждено на дѣлѣ самымъ явнымъ образомъ отрицать ее тѣми ужасами, казнями, которые оно считаетъ себя вынужденнымъ дѣлать. Бога нѣтъ у тѣхъ революціонеровъ, которые борются съ правительствомъ, нѣтъ его, и еще очевиднее, нѣтъ Его у правительства. Это два озлобленные, отвратительные звѣря, которые безжалостно грызутся, уничтожая въ себѣ и во всѣхъ участвующихъ и созерцающихъ эти ужасы послѣдніе остатки человѣчности.

Что же дѣлать?

Что дѣлать?

Одно: съ омерзениемъ, съ ужасомъ, а если можно, съ состраданіемъ смотрѣть на этихъ потерявшихъ человѣческой образъ людей, лгущихъ, кощунствующихъ, развращающихъ ближнихъ и убивающихъ, и сторониться отъ нихъ, не только не участвовать въ ихъ мерзкихъ дѣлахъ, какъ бы они ни назывались, ни въ комитетахъ, думахъ, министерствахъ, союзахъ, но, не чувствуя себя въ силахъ любовно и сострадательно отнестись къ нимъ, бояться ихъ и не входить съ ними въ общеніе.

Въ этой общей гибели надо спастись самому, кто можетъ, и только спасшись, самимъ подавать руку помощи погибающимъ.

Вѣдь все дѣло въ томъ, что для большинства людей, отъ Николая и Столыпина до тѣхъ ребятъ революціонеровъ, съ которыми я бесѣдовалъ, есть только вопросъ о томъ, кто побѣдитъ, а нѣтъ вопроса (о Богѣ и не можетъ быть, потому что Бога нѣтъ) о душѣ и смыслѣ жизни. И это несвойственно человѣку.

* № 2.

Я высказалъ ему свою мысль о томъ, что терпѣніемъ и неучастіемъ въ насиліяхъ скорѣе можно достигнуть хорошаго устройства. Онъ понялъ меня:

— Да это когда же будетъ? Это дожидаться, да и всѣ не могутъ этого сдѣлать. Въ народѣ тьма, нѣтъ развитія.

Я сказалъ ему, что напрасно онъ такъ презрительно думаетъ объ народѣ. Безграмотный крестьянинъ, если только онъ вѣритъ въ Бога, то у него есть большее развитіе, чѣмъ у студента, ни во что не вѣрующаго.

Онъ улыбнулся.

— Это бараны. Съ ними ничего не сдѣлаешь. Нужна организація, —

повторилъ онъ.

Я попробоваль указать ему на то, что въ Европѣ есть эта организація, была революція, а народъ точно также лишень земли и находится во власти капиталистовъ.

Онъ не согласилсъ съ этимъ.

Я сказаль, что русскій крестьянинъ–земледѣлецъ свободнѣе европейца, находящагося во власти хозяина.

– Да вѣдь нельзя же всѣмъ быть земледѣльцами, земли не достанеть.

Я не выдержаль и посмѣялся надъ нимъ.

– Вѣдь не сукнами же питаются.

– И сукна нужны, – сказаль онъ.

– Да всетаки всѣ кормятся только съ земли. И коли земля всѣмъ будетъ доступна, то не будутъ дѣлать лишняго и землю будутъ лучше обрабатывать.

Онъ не сдавался: у него, очевидно, была знакомая социалистическая теорія, и внѣ ея онъ не могъ разсуждать, а вѣрилъ, непоколебимо вѣрилъ въ то, что ему преподано.

Видно было, что онъ вѣрилъ, какъ вѣрятъ люди, одержимые гипнозомъ, и что никакіе доводы не могутъ коснуться его души. Я сказаль ему это, сказаль, что онъ также слѣпо вѣритъ, какъ вѣритъ старуха въ Иверскую. Онъ, не понявъ меня, поспѣшилъ заявить мнѣ, что онъ ни во что не вѣритъ.

– Прощайте, – сказаль я, – и съ досадой отѣхаль отъ него. Но отѣхавъ на нѣсколько шаговъ, мнѣ стадо совѣстно. Онъ юноша, я старикъ: надо по душѣ сказать ему, что я думаю. Можетъ, это смягчить, удержать его. Я вернулся къ нему.

– Я вамъ въ дѣды гожусь, и вотъ что главное хочется сказать: вѣдь все это – революція и нереволуція – это неважно, а важно то, чтобы исполнить то, чего хочетъ Богъ.

Онъ улыбнулся.

– Богъ у каждого свой.

– Ну, прощайте.

Но онъ остановилъ меня.

– А вотъ не можете ли вы мнѣ помочь на выписку газеты?

– Не нужно ли вам еще денег на браунинг? – сказала я и ухалъ отъ него.

* № 3.

Страхъ же не можетъ дѣйствовать на нихъ, потому что имъ нечего терять, а то положеніе гонимыхъ и та опасность, которой они подвергаются, есть то самое, чего они желаютъ, такъ какъ руководить ими такое же молодечество, какое бываетъ на войнѣ, на охотѣ, и знаютъ, что какъ на войнѣ, все что они сдѣлаютъ: революціонные митинги, погромы, вооруженныя возстанія, даже убійства начальства и помѣщиковъ – все восхваляется не только товарищами, но и газетами, которыя они читаютъ и которыя вѣрятъ, какъ Евангелію.

* № 4.

Они шли ко мнѣ съ полной увѣренностью, что я не только сочувствую имъ, но буду содѣйствовать имъ въ ихъ дѣятельности. И не встрѣтивъ этого сочувствія, ушли недовольные, но нисколько не поколебленные.

И такихъ людей, какъ я знаю это по разговорамъ съ знакомыми, съ встрѣчными, по письмамъ, по сужденіямъ близкихъ людей, – такихъ людей, одержимыхъ гипнозомъ желанія борьбы и разрушенія, не сотни, не тысячи, а миліоны, и количество ихъ, какъ при всякой заразѣ, неудержимо должно увеличиваться и увеличиваться по мѣрѣ усиленія карательныхъ дѣйствій правительства, дающихъ новую пищу ихъ раздраженію.

* № 5.

И опять мнѣ пришла та же мысль, какъ и тогда, послѣ бесѣды съ двумя рабочими изъ сада:

Перестать преслѣдовать, дать имъ все, чего они хотятъ, снять съ себя отвѣтственность. Пускай они сами разбираются въ той кашѣ, которую заварили.

Но развѣ мыслимо, чтобы не только послушались, но серьезно выслушали такой совѣтъ? И потому дѣлать нечего, надо молчать и дѣлать свое дѣло. Такъ я думалъ нѣсколько разъ, вспоминая объ этомъ вечеромъ и ночью.

* № 6.

Я сказалъ ему, что по моему мнѣнію нѣтъ никакой необходимости дѣлать зло, что зломъ нельзя побѣдить зло, что побѣдить зло можно только неучастіемъ въ злѣ.

< – Что же, дать себя эксплуатировать? И такъ изъ насъ веревки вьютъ.

Я сказалъ ему, что если бы люди не участвовали въ насиліи, никто бы не могъ ихъ угнетать.

– Да это по Выборгскому воззванію, – сказалъ онъ.

– Нѣтъ, не по Выборгскому воззванію, а по божескому закону, – сказалъ я. <По Выборгскому воззванію надо не давать податей и солдатъ теперешнему правительству, а когда будетъ новое правительство, то опять давать и подати и солдатъ, а по божескому закону надо никогда не дѣлать зла и не участвовать въ немъ.

—

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?»

После того как статья «О значении русской революции» была отослана Толстым в середине сентября 1906 г. для печати, он взялся за ее продолжение: им было написано заключение к ней (см. рукопись № 1), которое в копии обозначено как восемнадцатая глава (рукопись № 2). Однако вскоре Толстой стал писать новую статью, пока еще никак не озаглавленную, под влиянием поразившего его разговора с крестьянином – революционером из соседнего села Ломинцево, происшедшего 5 октября, [3] и на другое утро – чтения газеты, в которой сообщалось о 22-х казнях. Записав в Дневнике под 3–4 октября о том, что ему хочется «пописать Василия Можайского», Толстой 10 октября там же записывает: «Желания своего не исполнил. Поразил разговор на большой дороге с Ламинцовским молодым крестьянином–революционером и на другое утро [4] чтение газет с 22 казненными, [5] и я начал писать об этом. И вышло очень плохо, но я три дня писал понемногу об этом и всё плохо. Хочется ответить на вопрос: что делать?» При этом Толстому припомнился его разговор 14 августа с двумя рабочими–революционерами, о котором он писал Черткову в письме от 15 августа (см. комментарий к статье «Обращение к русским людям» стр. 712), и этот разговор был также введен в статью (см. рукопись № 4 и след.). На следующий день 11 октября Толстой записывает в Дневнике: «Пишу о революции. Но плохо идет. И мне не жалко». 14 октября там же записано: «Еще три дня писал под впечатлением встречи на большой дороге, и мало и плохо, и нынче, кажется, решил бросить».

Первоначально задумав эту статью как отдельное произведение, Толстой решил затем сделать ее послесловием к статье «О значении русской революции», о чем он и писал Черткову в письме от 26 октября: «К статье я написал еще Послесловие. Я начал было отдельную статью, а потом решил из нее сделать Послесловие» (АЧ). В связи с этим в нее были включены отдельные места из ранее написанного, но окончательно не отделанного «Заключения» (XVIII главы статьи «О значении русской революции»).

К «Послесловию» относятся следующие дальнейшие записи в Дневнике, 20 октября: «Всё это время возился с заключительной главой. И так плохо, что бросил». 23 октября: «Всё это время возился с Послесловием, и всё кажется то плохо, то порядочно, и не могу решить. И в этом деле только отрешись от всякого соображения о мнениях и чувствах людей, и решение просто». 24 октября: «Кажется, что кончил Послесловие». 25 октября: «Поправил окончательно Послесловие». 26 октября: «Окончил все дела. Послесловие плохо, но послал».

К статье «Что же делать?» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 101).

1. Автограф на 2 согнутых пополам полулистах писчей бумаги и на четырех полулистах почтовой бумаги, из которых последний урезан; все 16 страниц исписаны. Нумерация по полулистам от 1 до 6-ти рукой Толстого. Начало: «Заключеніе. Но это все разсужденія, можетъ быть, справедливыя». Конец: «дѣль, не противныхъ этой единственной обязанности челоуѣка».

2. Рукопись на 9 листах в 4°, из которых последний урезан. Копия автографа, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Первоначальная нумерация по листам карандашом от 1 до 9-ти (рукой постороннего). Над словом «Заключеніе» рукой Толстого проставлена цифра XVIII. В рукописи многое зачеркнуто, исправлено и вписано, зачеркнута в самом начале, между прочим, и такая фраза:

Что же дѣлать? говорятъ разные несчастные Столыпины и ихъ сотрудики, лишаютъ сотни людей жизни и сотни тысячъ свободы.

3. Рукопись на 14 листах в 4°, из которых часть урезана, часть склеена из нескольких частей. Копия большей части предыдущей рукописи, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Нумерация беспорядочная. Начало: «Нельзя покорно терпѣть всѣ безумные ужасы». Конец: «и заключается главное значеніе совершающейся революціи».

4. Автограф на трех согнутых пополам полулистах плотной писчей бумаги, на листе и полулисте почтовой бумаги. Все 18 страниц исписаны. Внутренние страницы первого полулиста частично заняты письмом к Толстому псковского народного учителя М. Брадиса от 21 сентября 1905 г. Здесь впервые передан разговор с двумя рабочими и крестьянином – революционерами. Начало: «Написавъ, какъ умѣлъ все то, что я думалъ». Конец: «И это несвойственно челоуѣку». Печатаем рукопись целиком в отделе вариантов (№ 1).

5. Рукопись на 13 листах в 4°, из которых два урезаны. Копия автографа, описанного под № 4, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Исправления – в направлении к окончательной редакции – очень многочисленны. Между прочим вместо зачеркнутых здесь имен Чернышевского и Михайловского написано: «ученые эволюционисты, дарвинисты, критики, эстетики». Говоря о двух революционерах–рабочих, Толстой вписал: «и съ большой легкостью и правильно употребляли иностранныя слова: диктатура, пролетаріать, эксплуатація и т. п.» Вслед за словами «Что же делать? это печальная необходимость», стр. 542, строка 32, вписан вариант, который печатаем под № 2.

6. Рукописный материал, заключающий в себе 8 листов разного формата автографов и 35 листов в 4° и 32 обрезка, написанных на пишущей машинке и исправленных рукой Толстого. Весь этот материал, промежуточный между рукописями, описанными под №№ 5-м и 7-м,

заключает в себе разновременнo написанные и исправленные копии отдельных частей текста статьи, не поддающиеся классификации и упорядочению. Из исправлений и дополнений, сделанных здесь Толстым и не вошедших в окончательный текст, отметим следующие. К разговору с двумя революционерami-рабочими относится следующее начало фразы:

На всѣ мои доводы о томъ, что дѣйствія правительства, хотя бы жестокиа и несправедливыа, вызваны насиліями революціонеровъ, убійствами, грабежами.

На другом листе, находящемся среди этих материалов, эти слова зачеркнуты. К этому же разговору относятся варианты, которые печатаем под №№ 3, 4, 5. К разговору с крестьянином-революционером относится вариант № 6, на одном из листов отчеркнутый чертой, сбоку которой написано: «пр[опустить]». К тому же разговору относятся следующие фразы:

[1] Я спросиль, чѣмъ же оно

[7] такъ душить народъ? [2] На мое замѣчаніе о томъ, что не всѣ же невинныхъ сажаютъ въ тюрьмы, онъ сталъ мнѣ приводить примѣры невинно пострадавшихъ.

В том же разговоре перед фразой: «Не нужно ли вам еще денег на браунинг?», стр. 545, строка 7, вписано:

Я не выдержаль и, къ стыду своему, не съумѣль ответить ему спокойно, а сказалъ:

На другом листе слова «не выдержаль и къ стыду своему» зачеркнуты. Там же крестьянин говорит: «Что же, и браунингъ можетъ понадобитсяъ». В связи с газетной заметкой о 22-х казненных после слов «Нынче опять 22 казненных», стр. 367, строка 25, дописано:

«И опять убиты начальники, помѣщики ограблены»

И далее зачеркнута фраза:

Это два озлобленные, отвратительные звѣря, которые безжалостно грызутся, уничтожая въ себѣ и во всѣхъ участвующихъ и созерцающихъ эти ужасы послѣдніе остатки человѣчности».

«К концу статьи относятся следующие варианты.

Задавая вопрос, что делать, Толстой пишет:

[1] Два мѣсяца тому назадъ я, отвѣчая на этотъ вопросъ, началъ обращеніе къ правительству, революціонерамъ и народу, и статья эта,

[8] чему я очень радъ, не появилась въ печати, потому что вопросъ не въ этомъ. И все возможные отвѣты на вопросъ, что дѣлать, не разрѣшаютъ вопроса.

[2] Я понялъ это и рѣшилъ написать все, что я думаю объ этомъ, не только предполагая, но вполне увѣренный, что сказать это нужно людямъ, что это поможетъ имъ, что я обязанъ сдѣлать это: сказать, какъ я съумѣю, то, что я такъ ясно понимаю и сильно чувствую и что даетъ такое спокойствіе и радость моей жизни.

7. Рукопись на 22 листахъ в 4°, из которыхъ часть урезана, часть склеена из нескольких частей. Написана на пишущей машинке и исправлена рукой Толстого. Цельный текстъ статьи, образовавшийся из систематически подобранныхъ листовъ, извлеченныхъ из материала, описанного под № 6, представляетъ собой соединеніе двухъ редакцій, первоначально представленныхъ автографами, описанными под №№ 1 и 4. Начало: «На дняхъ выходя изъ дома». Конецъ: «повиновенія власти человѣческой, а не божеской». Несколько листовъ перенесены из этой рукописи в следующую. В концѣ статьи собственноручно проставленные Толстымъ инициалы «Л. Т.» и дата – 21 октября 1906 г. Расположеніе материала соответствуетъ тому, какой мы имеемъ в окончательной редакціи статьи. Исправленія, сделанные здѣсь Толстымъ, приближаютъ текстъ рукописи къ окончательной редакціи и, кроме того, смягчаютъ некоторые резкіе выраженія по адресу революціонеровъ. Такъ, после словъ: «жить стало невозможно», стр. 364, строка 6, зачеркнуты слова: «сказалъ онъ съ той же исключавшей всякое сомнѣніе увѣренностью, какъ та, которую я встрѣчалъ въ послѣднее время у всѣхъ людей, сочувствующихъ революціи». Далѣе зачеркнуты следующие слова:

О томъ, что надо революціонерамъ прекратить свою дѣятельность, я писалъ много разъ. Но не говоря о томъ, что совѣты такіе не могутъ быть услышаны, какъ не могутъ быть услышаны совѣты прекращенія драки сѣпившихся пьяныхъ враговъ, злодѣевъ, – отвѣтъ на вопросы, что дѣлать, неправильно поставленъ.

Зачеркнутъ абзацъ, в которомъ Толстой утверждаетъ, что в случаѣ предоставленія революціонерамъ полной свободы, произошелъ бы «величайшій беспорядокъ». С другой стороны, зачеркнуты строки, в которыхъ Толстой высказываетъ сомнѣніе в томъ, что правительство преследуетъ исключительно невиновныхъ.

8. Рукопись на 17 последовательно нумерованныхъ рукой постороннего листахъ в 4°, из которыхъ часть урезана, часть склеена из нескольких частей. Копія предыдущей, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Начало: «Съ мѣсяць тому назадъ ко мнѣ пришли». Конецъ: «и всегда однѣ и тѣ же обязанности человѣка». Исправленія приближаютъ рукопись къ окончательной редакціи. Рядъ местъ в рукописи вычеркнутъ. Отметимъ наиболее существенные изъ нихъ. Такъ, в

самом начале рукописи зачеркнуто:

То, что правительство безъ всякой надобности совершаетъ ужаснѣйшія злодѣйства противъ народа, незаконно распустило Думу, ссылаетъ, запираетъ въ тюрьмы, казнить невинныхъ, велитъ казакамъ и стражникамъ бить всѣхъ безъ разбора – это были для нихъ такія несомнѣнныя истины, которыя не нужно было доказывать и въ которыхъ нельзя было сомневаться.

Далее зачеркнуто следующее место:

Устраненіе правительства отъ соблюденія порядка заставило бы самихъ революціонеровъ противодѣйствовать насиліямъ, совершаемымъ ихъ представителями, при чемъ всѣ партіи, сцѣпившись другъ съ другомъ и уничтожая другъ друга, должны бы были признать зловредность своей разрушительной дѣятельности и необходимость прекращенія ея.

После слов «Я зналъ это и по разговорамъ и по случайнымъ заглядываніямъ въ газеты», стр. 365, строки 34–35, зачеркнуто:

и страдалъ отъ этого, какъ мы всѣ теперь страдаемъ въ Россіи, но чувствовалъ себя не въ силахъ помочь общему горю и старался только о томъ, чтобы, не думая о немъ, заниматься своимъ дѣломъ.

9. Рукопись на 17 последовательно нумерованныхъ краснымъ карандашомъ, видимо, рукой Черткова, листахъ в 4°, изъ которыхъ часть склеена изъ несколькихъ частей. Копія предыдущей, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого, А. Л. Толстой и рукой неизвестного. (Последние исправления представляютъ копию собственноручныхъ исправлений, сделанныхъ Толстымъ в рукописи № 10.) Начало: «Съ мѣсяць тому назадъ ко мнѣ пришли». Конецъ: «обязанности человѣка передъ Богомъ или передъ своей совѣстью». На обложке, в которую заключена рукопись, на машинке написано «Послесловие». Исправления, сделанные в рукописи, еще более приближаютъ текстъ ея къ окончательной редакціи.

10. Рукопись на 12 нумерованныхъ рукой постороннего листахъ копировальной бумагѣ большого почтового формата, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого (рукой М. Л. Оболенской в несколькихъ местахъ сделаны технические исправления). Начало: «Съ мѣсяць тому назадъ». Конецъ: «передъ Богомъ и Его закономъ». На первой страницѣ, в верхнемъ углу, синимъ карандашомъ написано: 1906». (т. е. «received», «получено» 31 октября – 13 ноября 1906 г.). Эта отметка говоритъ о томъ, что данный экземпляръ непосредственно былъ направленъ Черткову в Англию. В текстѣ сбоку краснымъ карандашомъ отмечены исправления, которые потомъ были перенесены в рукопись № 9. Фраза «Я сказалъ, что установление равного права всехъ на землю» отчеркнута сбоку синимъ карандашомъ. В последнемъ абзацѣ рукой Черткова после слов «члена палаты» вставлено «члена конспиративной организаци». В огромной своей части рукопись представляетъ собой исправленную копию предыдущей. Лишь текстъ одного листа (4–го) восходитъ къ другому, не сохранившемуся оригиналу.

11. Рукопись на 12 нумерованных посторонней рукой листах такой же бумаги. Второй экземпляр машинописной копии, в которой М. Л. Оболенской и Н. Л. Оболенским нанесены исправления, сделанные Толстым в предыдущей рукописи; в нем, кроме того, рукой Толстого карандашом сделаны новые исправления. Начало: «Съ мѣсяць тому назадъ». Конец: «человѣкъ, не лишенный разума и совѣсти». На первой странице вверху рукой Толстого написано заглавие «Что же дѣлать?» Исправления, сделанные в обеих последних рукописях, делают их (в особенности вторую) очень близкими к окончательной редакции статьи.

12. Рукопись на 11 нумерованных листах такой же бумаги. Машинописная копия предыдущей рукописи, в которой рукой Толстого сделано одно исправление. Кроме того, рукой А. Л. Толстой сделаны исправления ошибок, вкравшихся при переписке оригинала, и в конце рукописи рукой неизвестного дописан конец, переписанный с недошедшего до нас автографа. Начало: «Съ мѣсяць тому назадъ». Конец: «больше было бы порядка и общаго благополучія».

—

25 октября статья Александрой Львовной Толстой была отвезена для напечатания в Москву И. И. Горбунову–Посадову, а на следующий день (см. ниже) она отправлена была и в Англию Черткову. Так как Черткову была послана рукопись 10, то и Горбунову был отправлен, очевидно, текст в редакции той же рукописи.

За два дня до этого, 23 октября, в ответ на письмо И. И. Горбунова, который запрашивал, как печатать статью «О значении русской революции» – вместе с послесловием или без него, Толстой писал ему: «Делайте, как вам удобно. Мне совершенно всё равно. Если послесловие не успеет, то можно выпустить отдельно. Я почти уверен, что через два дня будет готово и так, что не нужно будет присылать корректур» (ГТМ). 25 октября ему же Толстой писал; «Посылаю вам послесловие, или XVIII–ю главу. Иногда мне кажется, что она может быть полезна, а иногда, как сейчас, она мне кажется плоха, особенно начало, и кажется излишней. Пожалуйста, решайте сами вы – не в виду того, задержит или не задержит это прибавление выход статьи, а по существу. Во всяком случае буду согласен и рад. Кажется, более рад, если не одобрите статьи и не напечатаете» (ГТМ).

Одновременно с этим рукопись статьи была отправлена и В. Г. Черткову в Англию с сопроводительным письмом от 26 октября, в котором Толстой о статье писал: «Мне она разонравилась. Вы, пожалуйста, раскритикуйте ее. Это мне полезно. Вы не можете представить себе, какой вред делают похвалы при моем тщеславии. Это пьянство» (АЧ).

В письме к Толстому от 30 октября И. И. Горбунов известил его, что, пользуясь его разрешением, он решил не помещать «Послесловие» в конце статьи «О значении русской революции». Свое решение он мотивировал тем, что «Послесловие» специальное, уже, чем глубокий, широкий по идее конец, имеющий «всенародный характер» (АТБ).

В записи от 3 ноября Маковицкий сообщает, что в этот день приехал С. Д. Николаев, привезший с собой корректуру «Послесловия». Тут же

Маковицкий добавляет, что Толстой озаглавил его «Что же делать?» и что оно выйдет отдельной брошюрой. Заглавие «Что же делать?» собственноручно написано Толстым, как указано было, на рукописи № 11. Следовательно, сама рукопись эта датируется не ранее, как 3-м ноября.

В письме от 16 ноября н. о. Чертков известил Толстого о получении статьи и, так же как и Горбунов, советовал печатать ее отдельно от статьи «О значении русской революции». Кроме того, он предложил сделать в статье две поправки: 1) к тому месту в разговоре с крестьянином-революционером, где Толстой говорит о том, что «установление равного права всех на землю не может быть достигнуто каким бы то ни было отчуждением земли», Чертков, для того чтобы Толстого не заподозрили в отрицании необходимости земельных реформ, рекомендовал прибавить приблизительно следующее: «а может быть достигнуто только тем, чтобы земля вообще перестала быть чьей бы то ни было собственностью»; 2) в предпоследнем абзаце, где речь шла о том, что человеку необходимо признать своими высшими обязанностями его обязанности перед богом и его законом, а не выдуманные обязанности царя, члена палаты, министра, солдата, – Чертков рекомендовал вставить между словами «члена палаты» и «министра» слова «члена конспиративной организации». «Это необходимо – писал он – чтобы избежать однобокости, тем более что в самой статье вы всё время имеете в виду обе стороны» (АТБ).

Так как приведенные Чертковым слова Толстого имелись лишь в рукописи, описанной под № 10, и уже отсутствуют в рукописях, описанных под №№ 11 и 12, то ясно, что завершение работы над рукописями №№ 11 и 12 относится к более позднему времени: в исправлениях, сделанных в них, видно влияние замечаний Черткова, сделанных в письме от 16 ноября н. с. Вероятно, большая часть исправлений из рукописи № 12 перенесены были позднее в корректуру. В записи от 15 ноября Маковицкий сообщает: „Лев Николаевич перемарал корректуру послесловия к статье «О значении русской революции»“. В той же записи сообщается: «После обеда Марья Львовна принесла поправки В. Г. Черткова к послесловию к статье «О значении русской революции». Лев Николаевич взял их и ушел с ними к себе в кабинет».

В ответ на письмо Черткова Толстой писал ему 13 ноября: «На вопросы вашего письма отвечаю тем, что статью «Что же делать?», если хотите, то печатайте отдельно, так же как и Ив. Ив.

[9] На ваше замечание, как всегда, согласен и за него благодарен» (АЧ). Как явствует из печатного текста статьи, оба замечания Черткова были приняты во внимание Толстым, причем в первом случае Толстой буквально заимствовал фразу Черткова, во втором же сделал исправление в том духе, какой Чертков ему рекомендовал.

В рукописи и в исправленной корректуре статья заканчивалась словами:

тѣмъ меньше бы было зла и тѣмъ больше бы было порядка и общаго благополучія.

В письме от 24 ноября И. И. Горбунов просил Толстого изменить последние слова «порядка и общаго благополучія», особенно «порядка», звучащего, по его мнѣнію, «буржуазно» (АТБ). В ответ на это Толстой 27 ноября написал Горбунову: «Спасибо вам за замечание. Я воспользовался им и заменил так: «...такихъ людей, темъ всё меньше и меньше становилось бы зла на свете, и всё больше и больше осуществлялось бы то царство божіе на земле, къ которому неудержимо стремятся все сердца человѣческія» (ГТМ).

Корректурa статьи до нас не дошла. Но из сличенія текста рукописи № 10, бывшаго в наборѣ, с печатнымъ текстомъ, оказывается, что исправленій в корректурѣ было сделано много. Большинство из них – стилистическаго характера, но в рядѣ случаев и смысловаго. Помимо исправленій, сделанных по совету Черткова и Горбунова, къ послѣднего рода исправленіямъ относятся слѣдующіе.

Фраза, начинающаяся словами «Я былъ твердо убежденъ, что лучшее изъ всего того», стр. 365, строка 22, в рукописи читается так:

Мнѣ совершенно ясно стало, что единственное средство избавленія отъ совершающихся ужасовъ и развращенія людей въ одномъ: въ отреченіи правительства отъ своей власти.

После словъ «крестьянинъ–земледелецъ, живущій в деревнѣ», стр. 367, строки 20–21, исключены слова, бывшіе в рукописи, «и такихъ крестьянъ теперь не сотни, не тысячи, а миллионы. И зараза такого настроенія всё больше и больше распространяется». Фраза, начинающаяся словами «Почему ты знаешь, что то, что ты хочешь изменить», стр. 368, строки 21–22, пополнена словами: «или удержать в томъ видѣ, в какомъ было» и «или должно быть удержано такимъ, какимъ было». Фраза, начинающаяся словами: «Ответъ в томъ, что делать тебе надо не то», стр. 369, строка 2, в рукописи читается так: «Отвѣтъ въ томъ, что дѣлать тебѣ надо не то, что требуетъ отъ тебя царь, губернаторъ, становой, Дума или политическія партіи, а то, что свойственно тебѣ какъ человѣку, то, чего требуетъ отъ тебя та сила, которая послала тебя въ міръ». После словъ: «Но вотъ являются люди, которые», стр. 369, строки 26–27, добавлено заключенное между словами «раздаютъ другъ другу... действительное положеніе». Вместо словъ «уверовавшихъ в действительность взятыхъ ими на себя ролей», стр. 370, строки 17–18, и далее – «потерявшихъ ясное сознаніе своего человѣческаго достоинства и призванія», стр. 370, строки 29–30, в рукописи в обоихъ случаяхъ читается: «подпавшихъ душевной болѣзни политиканства». После словъ «страдающихъ отъ всехъ ужасовъ и преступленій», стр. 370, строки 31–32, в рукописи читается: «производимыхъ людьми, захваченными этой болѣзнью». Наконецъ, в самомъ концѣ статьи исключены слова: «Сущность совершающейся революціи не въ измѣненіи образа правленія въ Россіи, ни въ тѣхъ или иныхъ формахъ политическаго или экономическаго устройства въ Россіи и въ другихъ странахъ».

Кроме того, в корректуре был вписан эпиграф из Лао-Тзе.

Впервые статья «Что же делать?» напечатана в 1907 г. в издании книгоиздательств «Посредник» и «Обновление». Издание это перепечатано в конфискованной девятнадцатой части двенадцатого издания сочинений Толстого (М. 1911). В Англии Чертковым статья не была издана.

В настоящем издании перепечатывается текст издательств «Посредник» и «Обновление».

Примечания.

Стр. 363. Эпиграф взят из книги «Мысли мудрых людей на каждый день», составленной Толстым. Издательство «Посредник», М. 1903, стр. 323.

Стр. 367, строка 25. О двадцати двух казненных сообщалось в № 2077 газеты «Око» (бывш. «Русь») от 4 октября 1906 г. Эту газету Толстой, вероятно, и имеет здесь в виду.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании порядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты

посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что

редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест–на–крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц–титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Примечания

1

Зачеркнуто: – Но как же вы достигнете свободы?

– Свергнемъ правительство.

– Как же вы свергнете?

– Надо организоваться.

– Но вѣдь мало организаціи.

– Разумѣется, мало. Вооруженное возстаніе.

2

Зачеркнуто: Новиковы, Радищевы, Герцены,

3

См. запись Д. П. Маковицкого 5 октября 1906 г. в неопубликованной части его «Яснополянских записок».

4

В тексте «Что же делать?» точно указано, что чтение газеты происходило 6 октября.

5

См. запись Д. П. Маковицкого 5 октября 1906 г. в неопубликованной части его «Яснополянских записок».

6

В неопубликованных записях Д. П. Маковицкого читаем следующие подробности, относящиеся к истории писания «Что же делать?» 21 октября: «Сегодня утром Александра Львовна сказала Льву Николаевичу, что ей жаль, что он бросил свою статью (послесловие к «О значении русской революции»), она ей так нравилась. От И. И. Горбунова Лев Николаевич также получил письмо, чтобы не бросал. Днем Лев Николаевич сказал Александре Львовне, что был в ударе и продолжал статью. А мне вечером сказал: «В эти дни нездоровилось, плохо работал. Хорошие мысли замарал и снова вставил. Сегодня порядочно привел в порядок, до понедельника кончу». 23 октября: «Сегодня Лев Николаевич с 8 до 10 утра сидел в халате и поправлял «Послесловие», а Александра Львовна переписывала на ремингтоне. Лев Николаевич два раза брал статью у нее и перемарывал и приписывал много нового». 25 октября: «Утром Александра Львовна с 8 часов; переписывала на ремингтоне «Послесловие». Лев Николаевич в халате поправлял его до 10 часов. Два раза перемарал и многое прибавил. Вечер от 7 до 10 – также. Александра Львовна зароптала. В половине 9–го Лев Николаевич пришел к Оболенским и позвал их прослушать статью и сделать свои замечания. Александра Львовна переписала статью начисто в 3 экземплярах. Лев Николаевич просмотрел и вновь начал исправлять. Вид у него такой, как будто он извинялся, что причиняет работу Александре Львовне. Несмотря на то, что Лев Николаевич даже сегодня переделывал статью 4–5 раз, он всё-таки остался недоволен ею... Лев Николаевич спешил со статьей потому, что сегодня ночью Александра Львовна должна была поехать в Москву»

7

правительство

8

В предыдущей редакции после этих слов зачеркнуто: «была вся ложно направлена».

9

Горбунов.